
РОССИЙСКАЯ ОБЩНОСТЬ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Национализм этнический и политический: институциональные факторы татарского национализма в республиках Волжско-Уральского региона¹

Э.Д. ПОНАРИН, К.А. ЖИРКОВ

Статья обращается к проблеме взаимоотношения этнического и политического национализма в Волжско-Уральском регионе Российской Федерации. Одним из факторов, который может повлиять на взаимосвязь двух форм национализма, представляется институциональный дизайн федерации, в рамках которого существуют титульные группы в национальных республиках. На примере татарского населения в Татарстане и Башкортостане прослеживается, насколько титульные и нетитульные группы отличаются по уровню националистических настроений, а также по факторам их формирования. В статье дается характеристика институционального дизайна федерации в России, а также выделяются повлиявшие на него исторические факторы. Кроме того, анализируется история развития татарского национализма в современной России. Также предлагается статистический анализ с использованием данных массовых опросов, проведенных в 2005 и 2011 годах в Татарстане и Башкортостане. Результаты анализа показывают наличие устойчивой модели татарского национализма в Волжско-Уральском регионе, а также его достаточно широкое распространение.

Ключевые слова: национализм, Волжско-Уральский регион, федеративная структура, институциональные факторы, теория социального доминирования, количественный анализ

Институциональные особенности федерации в России

Советское наследие

Важной отличительной особенностью российской политики в национальной сфере является ее институциональный дизайн, а именно достаточно сложная этнотер-

---

¹ Данная работа выполнена в рамках гранта Национальному исследовательскому университету "Высшая школа экономики" (Лаборатория сравнительных социальных исследований в рамках постановления Правительства РФ №220 по гранту №11.G34.31.0024 от 28 ноября 2010).

риториальная федеральная система, унаследованная от СССР. Переняв организационную структуру советской этнотерриториальной федерации, современная Россия во многом приняла стоящую за ней философию, являющуюся причудливым сплавом левых идей и этнического примордиализма. Идеологические и исторические корни советского подхода к национальному вопросу можно проследить, обратившись к произведениям основателя советского государства Владимира Ленина, посвященным данной тематике. Здесь в первую очередь нужно отметить, что Ленин рассматривал «великорусский национализм» как важную составляющую легитимности государственного режима Российской империи, подрыв которой виделся одной из основных задач революционного движения. В работе «О праве наций на самоопределение» Ленин писал, что «вековая история подавления» национальных меньшинств привела к формированию националистических предрассудков среди великорусского пролетариата и что «великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, ... не борясь систематически с этими предрассудками» [Ленин 1969, с. 276]. С практической точки зрения Ленин, скорее всего, думал о союзе между большевиками и национальными движениями на окраинах империи, которые уже доказали свою силу в ходе кризиса 1905 г. Сложно сказать, какую роль сыграла эта стратегия в конечном успехе большевистской революции и победе большевистского правительства в Гражданской войне, но стоявшая за ней идеология оказала явное влияние на институциональный дизайн советской федерации.

При этом сам Ленин исповедовал инструментальный подход к национализму, считая, что «... для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» [Ленин 1969, с. 258]. Из современных теорий национализма этот подход ближе всего к структурному функционализму, представленному в произведениях таких авторов как Э. Геллнер и Э. Гидденс [Геллнер 1991; Гидденс 2011]. Но ключевую роль в разработке и приведении в жизнь советской национальной политики сыграл уже И.В. Сталин, сначала как первый народный комиссар по делам национальностей, а потом и как полновластный диктатор СССР. Именно более ригидный сталинский подход к национальному вопросу, представленный в работе «Марксизм и национальный вопрос» [Сталин 1946], лег в основу официальной идеологии СССР и советской федеральной системы, в рамках которой предложенная Сталиным система территориальных автономий выродилась в осуждаемую им этнотерриториальную федерацию [см. Brubaker 1996; Roeder 1991; Slezkine 1994; Zaslavsky 1992]. Впрочем, не совсем понятно, в какой степени этот итог обязан собственно взглядам Сталина, отчасти родственным примордиалистскому подходу к феномену нации, а в какой – общему догматизму советской идеологии, в которой взгляды отцов-основателей было не принято подвергать сомнению [Gorenburg 2003]. Как бы то ни было, сложившись в 20-е и 30-е гг. XX в., советская федеральная система практически не изменилась до самого распада СССР и фактически продолжает существовать в современной России. Более того, примордиалистский подход к определению

национальных и этнических групп сохранил определенное влияние среди российских экспертов и после распада Советского Союза и зачастую используется ими при принятии тех или иных решений по национальному вопросу [Tishkov 1997].

Институционализация этничности в Советском Союзе имела сразу несколько уровней, каждый из которых был важен сам по себе, а вместе они составляли законченную систему этнотерриториальной федерации. Некоторые особенности советского федерального устройства, которые будут перечислены ниже, отмечаются большинством исследователей как наиболее важные, поскольку во многом были закреплены в советской правовой базе и/или политической практике [Brubaker 1996; Goldman, Lapidus, Zaslavsky 1992; Gorenburg 2003; Kolsto 2000; Roeder 1991; Simonsen 1999; Slezkine 1994; Treisman 1999; Zaslavsky 1992; Zaslavsky 1994].

В первую очередь, в рамках советской федерации за некоторыми этническими группами «закреплялись» определенные территории, причем изначальной целью было обеспечение национального самоуправления и культурного развития национальных меньшинств. Однако конечным итогом создания этнических республик стало утверждение асимметричной системы, в рамках которой титульные национальности получили официальное признание и ряд привилегий, тогда как нетитульные национальности оказались без практических инструментов защиты своих прав [Codagnone, Filippov 2000]. Впрочем, жесткая привязка территории и этничности имела и другой аспект: за пределами своего территориального образования члены определенной группы могли сами оказаться в положении нетитульного населения – собственно, подобные группы оказывались в рамках советской системы в наихудшем положении [Simonsen 1999]. Эта ситуация стала еще более выраженной после 1991 г., когда, пользуясь относительной слабостью федерального центра, национальные республики приняли дополнительные институциональные меры, ограничивающие доступ представителей нетитульных национальностей к позициям во власти [Fleischmann, Verkuyten, Poppe 2011].

Важным элементом советской федеральной системы было создание своеобразной иерархии национальностей, место в которой зависело от уровня институционализации той или иной этнической группы, от союзной республики до автономной области. Важным показателем группового статуса было, например, представительство той или иной национальности в руководящих органах КПСС, таких как Политбюро и ЦК. В соответствии с данными, опубликованными В.А. Тишковым, русские и украинцы составляли подавляющее большинство в руководстве союзных органов КПСС на протяжении почти всей истории СССР, тогда как в республиканских органах, напротив, руководящие позиции, равно как и большинство мест в целом, были неофициально закреплены за титульной нацией [Тишков 1991]. Существовали также и специальные квоты: например, для представителей Латвии, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и Грузии в Политбюро или закрепление за русскими назначенцами должностей руководителей республиканских органов госбезопасности. Этот официально или неофициально закрепленный статус был тем более важен, потому что каждому гражданину, по сути, приписывалась одна конкретная национальность, которая указывалась в паспорте в т.н. «пятой графе». Все это «привязывало» индивида к этнической

группе не только в эмоциональном плане, но и в чисто практическом, поскольку национальность «по паспорту» имела значение в самых разных социальных взаимодействиях. Проявлением этого могут служить очевидные диспропорции в выборе «официальной» национальности детьми из смешанных семей: так, родившиеся в смешанных семьях на территории национальных республик гораздо чаще «выбирали» титульную национальность, если у них была такая возможность [Zaslavsky 1994]. Впрочем, эти цифры существенно различались в разных республиках: так, в «православных» автономных республиках большинство детей от смешанных браков выбирали русскую национальность (например, в Чеченской Республике – до 98%), в результате чего численность, например, финно-угорских народов с 1959 по 1970 гг. снизилась на 10–15% [Simonsen 1999, p. 1073]. Тем не менее исследования еще советского периода, начиная с конца 1960-х гг., уверенно демонстрируют преимущество выбора в пользу титульной национальности детьми из смешанных семей [Сергеева, Смирнова 1971; Сусоколов 1987; Терентьева 1969], что свидетельствует о преимуществах, которые имели представители титульных наций в соответствующих республиках.

Действительно, разные национальности были в разной степени интегрированы в советскую систему: например, у депортированных народов по понятным причинам были сложные отношения с советскими государственными учреждениями. Такая ситуация была обоюдной: историческая память депортированных народов заставляла их с опасением относиться, например, к правоохранительным органам – тем самым, которые когда-то осуществляли их выселение с родных земель. С другой стороны, в соответствии с логикой советской системы депортированные народы казались «неблагонадежными» и их ограничивали, например, в карьерных возможностях на военной и государственной службе. То же можно сказать и о большинстве мусульманских народов, которые исторически были менее интегрированы и в культуру времен Российской империи, и в советский культурный пласт. Это легко продемонстрировать открытыми данными по этническому составу Советской Армии как отдельных родов войск, так и руководящих органов, в которых мусульманские народы были представлены существенно ниже, чем позволяла бы предположить их относительная доля в населении СССР. Первым примером такой диспропорции может служить комплектация подразделений: если боевые подразделения комплектовались преимущественно из призывников-славян, то неprestижные вспомогательные подразделения – например, стройбаты – формировались из призывников-мусульман, часто более чем на 70% [Wimbush, Alexeiev 1983, p. 8–9]. Похожим образом мусульмане были недопредставлены в офицерском корпусе, где они на конец 70-х гг. XX в. составляли около 3% при общей доле в населении более 16% [Rakowska-Harmstone 1990, p. 89], а среди высших офицеров мусульман до 1975 г. не было вообще [Colton 1979, p. 261]. Этот феномен может быть следствием разных факторов – сознательной дискриминации, недоверия в отношении советских вооруженных сил среди мусульман, низкого уровня модернизации большинства мусульманских регионов, – но даже этот небольшой статистический срез говорит о невысокой интеграции большинства мусульманского населения в советское общество.

Советская концепция институализированной этничности затронула, среди прочих, сферы образования и культуры: во многих национальных республиках существовало отдельное среднее образование на языке титульной нации, которое не только в раннем возрасте акцентировало внимание учеников на их этническом происхождении, но и физически разделяло школьников из разных этнических групп [Gorenburg 2001; Gorenburg 2003]. Другие институты – музеи местной истории, газеты на национальном языке, республиканские союзы писателей и т.д. – также были направлены на поддержание этнической идентичности среди представителей титульного населения автономных республик. Именно эта ситуация приведет к формированию в республиках национальной интеллигенции [Drobizheva 1992], которая в 80-х гг. XX в. сформулирует националистическую повестку дня и даст почву для этнического сепаратизма. Эта идеология, в свою очередь, будет воспринята – или же просто использована, что, впрочем, не так уж и важно – республиканскими элитами, появившимся во многом в результате усилий правительства СССР по «подготовке национальных кадров» [Roeder 1991]. Таким образом, результатом советской политики, который вряд ли ожидали ее авторы, стало формирование национальной идентичности даже у тех этнических групп, которые до 1917 г. не имели таковой [Goldman, Lapidus, Zaslavsky 1992]. Представление о влиянии институтов на развитие этнического самосознания и национальных движений не является новым – оно уже высказывалось авторами, исследовавшими национализм в контексте посткоммунистических обществ, например, Д. Лэйтиным и Р. Брубейкером [Laitin 1998; Brubaker 1996]. Действительно, сравнительный анализ стран Восточной Европы показывает, что этнотерриториальные федерации в конечном итоге разделились по административным границам (СССР, Югославия, Чехословакия), тогда как унитарные государства, даже этнически гетерогенные, сохранили свою территориальную целостность (например, Румыния, в которой проживает значительное венгерское меньшинство).

Описанное выше наследие не только оказало чрезвычайно существенное влияние на дизайн федеративного устройства в современной России, но и продолжает оказывать его в настоящее время. И самое заметное последствие – региональный сепаратизм, который подпитывается идеологией этнического национализма.

Региональный сепаратизм в России

Использование республиканскими элитами национальной повестки стало важным фактором внутренней политики России после обретения ей независимости. Противоречия между республиками и федеральным центром проявились уже в 1991 г., когда проект Конституции, предусматривающий существенное снижение статуса национально-территориальных образований, был отвергнут Съездом народных депутатов [Codagnone, Filippov 2000; Treisman 1999]. Позже трения между центром и республиками возникли по поводу подписания нового федеративного договора, затрагивавшего раздел полномочий между центром и регионами в трех

ключевых сферах: налогообложении, распоряжении природными ресурсами и правовой системе [Tishkov 1997]. В 1993 г. при принятии нынешней российской Конституции девять национальных республик не ратифицировали ее: семь из них проголосовали против (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Мордовия, Тува и Чувашия), в Татарстане на участки пришло менее 14% избирателей, а в Чечне голосование просто не состоялось [Smith 1998]. В двух последних случаях неодобрение Конституции имело важные политические последствия: в случае Татарстана это привело к заключению договора, дававшего республике существенную автономию, а в случае Чечни – к прямому вооруженному противостоянию [Kolsto 2000]. Здесь необходимо отметить, что сепаратизм как таковой проявился и в преимущественно русских областях – можно привести в пример ситуацию с «Уральской республикой», – но только в республиках он приобрел национальную окраску.

Во внутрирегиональной политике в 1990-е гг. элиты большинства республик провели ряд законодательных инициатив, которые были направлены на достижение двух целей: усиление национального самосознания титульного населения через дальнейшее увеличение этнического компонента в образовательной и культурной сфере [Gorenburg (2) 1999]; достижение экономической и юридической независимости от федерального центра через заключение преференциальных двусторонних соглашений между Москвой и конкретными субъектами федерации [Treisman 1999]. Замеченное В.А. Тишковым [Tishkov 1997] доминирование примордиализма в общественном дискурсе, скорее всего, только помогло региональным элитам в достижении их целей, поскольку определение национальностей с этнической точки зрения позволяло им более эффективно использовать сепаратистскую риторику [Tolz 1998].

При этом политика большинства региональных элит все же была достаточно тонкой: стремление к максимальной автономии от федерального центра уравновешивалось страхом потребовать слишком многого и спровоцировать вооруженный конфликт по примеру Чечни, в ходе которого можно было потерять все [Smith 1996]. Кроме того, пример Чечни был непривлекателен для местных элит еще и тем, что отчетливо показал, как национальная революция свергает старые партийные элиты [Ponarin 2006]. Поэтому, в конечном итоге, целью «этнического шантажа» со стороны республиканских элит стало достижение максимальной выгоды в рамках существовавшей системы; в случае регионов-доноров речь шла о минимизации финансовых перечислений в федеральный бюджет, а в случае дотационных регионов – об увеличении субсидий, при этом отделение от России как таковое в реальной повестке дня, как правило, не стояло [Treisman 1997].

Политический и этнический национализм

Описанная выше политика разыгрывания национальной карты привела к усилению значения республиканского национализма как в местной, так и в общероссийской политической жизни. Правда, среди исследователей нет единого мнения

относительно того, насколько массовые национальные движения в республиках позднего СССР, а потом и России, управлялись местными элитами или же были в известной степени независимы от них. Так, Д. Горенбург пишет, что основным источником национальной идеологии и двигателем соответствующих движений среди этнических меньшинств были не политические элиты, а представители интеллигенции. Более того, изначально представители этнической номенклатуры были настроены достаточно враждебно по отношению к стихийным проявлениям массового национализма. Только спустя некоторое время элиты, осознав силу национального движения и предоставляемые им политические возможности, стали активно использовать национальную риторику [Gorenburg 2003].

Другие исследователи, напротив, придерживаются взгляда, в соответствии с которым национализм титульных национальностей был инструментом, использовавшимся политическими акторами в соответствующих республиках. Так, Д. Трейсман, описывая стратегии региональных элит и явно выступая с инструменталистских позиций, выделяет национальную мобилизацию в этнических республиках как важный инструмент достижения соответствующими элитами политических и экономических целей, одновременно критикуя концепции «национализма снизу» [Treisman 1999]. Анализируя данные по 32 регионам, он приходит к выводу, что сепаратизм имел под собой рациональные основания и был наиболее проявлен в экономически развитых республиках, в то время как этнический национализм оставался инструментом в руках региональных элит во время торга с Москвой [Treisman 1997]. Важно и то, что «национальный вопрос» часто использовался республиканскими лидерами для упрочения своего положения внутри региона: так, В.Я. Гельман утверждает, что этнополитическая мобилизация служила средством закрепления монополии этнических элит в рамках субнационального авторитаризма [Гельман 2009]. Ниже будет более подробно рассмотрен случай Татарстана как один из самых успешных примеров такой политики.

Татарское движение и демократические реформы

В конце 1980-х гг., с распространением свободы слова и свободы политической организации, национально ориентированные татары вошли в национальное движение. Интересы местной интеллигенции и властной элиты относительно усиления самостоятельности для республики совпадали. После объявления Россией суверенитета (12 июня 1990 г.) была сделана попытка возвысить статус Татарстана до уровня союзной республики в составе СССР. Татарстан и такие российские национальные территории как Чечня, Башкортостан и Якутия оказались в благоприятной ситуации, происходившей из соперничества между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным в период 1989–1991 гг. В 1990 г., в контексте этой борьбы за власть, Ельцин посоветовал лидерам Татарстана брать столько суверенитета, сколько они смогут. В период между распадом СССР и до конца 1993 г. президент Ельцин был занят борьбой с парламентом по вопросам экономической и поли-

тической реформы. Тем временем, вплоть до заключения договора о разграничении полномочий с федеральным центром (15 февраля 1994 г.), Татарстан пользовался практической независимостью под руководством опытного аппаратчика М.Ш. Шаймиева, консолидировавшим республику относительно ее позиции по отношению к центру.

Например, К. Мацузато, анализируя становление субнационального авторитарного режима – сам автор называет его «касикизмом» – в Татарстане, пишет о том, что Шаймиеву удалось успешно использовать национальную риторику, не допустив при этом чрезмерного усиления радикальных националистических движений [Matsuzato 2001]. Л.В. Сагитова, описывая процесс конструирования политической элитой [суб]национальной идентичности в Татарстане, акцентирует внимание на деятельности элитных групп и СМИ как транслятора национальных ценностей и поведенческих установок [Сагитова 2003]. Роль политической элиты, инструментальное использование СМИ и языковой политики в формировании национальной идентичности в Татарстане подчеркивают также Х. Дэвис, П. Хэммонд и Л. Низамова [Davies, Hammond, Nizamova 2000]. Итогом такой политики стал полный успех татарстанской элиты: ей удалось максимально упрочить свои позиции внутри республики, добиться уступок от федерального центра, создать успешный по меркам российских республик национальный проект и оставить радикальных националистов на обочине политического процесса.

В результате статус республики, безусловно, вырос – ее положение действительно напоминало положение союзной республики в бывшем СССР. Национальная принадлежность и особенно знание татарского языка значительно влияли на карьерные шансы: в результате региональных выборов 2004 г. 63% депутатов республиканского парламента были этническими татарами, тогда как в структуре населения республики по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. они составляли чуть менее 53% [Golosov 2012]. Татарские лидеры в значительной степени были озабочены повышением престижа титульной нации. Компенсаторная (защитная) природа официального татарского национализма видна, например, в «Кодексе татарина», опубликованного Туфаном Минуллинским в газете «Татарстан яшьларе» («Молодежь Татарстана») 22 июля 1997 г. накануне II Конгресса татар: «Татарин! Помни, ты не хуже ни одного народа на земле! В истории народа есть достойное место и для тебя. Не верь тем, кто чернит твою историю!».

Татарский национализм после 2000 года

В последнее время в Татарстане наблюдается религиозное возрождение: с 1988 г. по 1999 г. число мусульманских общин выросло в 44 раза (с 19 до 802), в то время как количество православных общин увеличилось только в девять раз (с 18 до 171). В республике существуют примерно двадцать исламских учебных заведений различных уровней, в которых обучаются около 500 студентов очной формы обучения.

Впрочем, многие имамы сельских общин до сих пор часто не имеют необходимого образования, в силу чего иногда возникают противоречия между народным и официальным исламом. Как бы то ни было, вновь обретенную исламскую солидарность можно видеть, читая отклики в татарской прессе на операции США в Афганистане и Ираке.

После событий 11 сентября 2001 г., на фоне неожиданного сближения США с Россией, газеты Татарстана (особенно татароязычные) продолжали размышлять над причинами террористических атак и осторожно пытались оправдать их односторонней политикой США на Ближнем Востоке, экономическим империализмом и несправедливым отношением к арабам в арабо-израильском конфликте. Отнюдь не радикальный политик Индус Тагиров в официальной газете «Ватаным Татарстан» («Моя Родина Татарстан») прокомментировал начало операции в Афганистане как возможное начало Третьей мировой войны между христианством и исламом. Эта же газета 9 октября 2001 г. опубликовала осуждение операции со стороны местного духовенства. Другая газета, «Татарстан Яшьларе» («Молодежь Татарстана»), по-видимому, более независимая от правительства, но фактически используемая правительством для выражения спорных взглядов, 22 сентября 2001 г. опубликовала мнение деятеля Талибана Мухаммада Хасана Ахуна: «Талибы и бен Ладен не имеют никакого отношения к террористическому акту в США. Мировые империалисты, а также христиане, евреи и их пособники просто хотят уничтожить исламский порядок, который мы создали».

В 2003 г., в период операции в Ираке, лидерам Татарстана уже не нужно было оглядываться на российское руководство, которое на этот раз не согласилось с военным вмешательством со стороны США. Критика Америки с исламской тональностью попала и в русскоязычную прессу республики. Кульминацией антиамериканской кампании стало объявление джихада Талгатом Таджутдином, после которого президент В.В. Путин решил, хотя и осторожно, вмешаться и пресечь ее. Однако и после осуждения муфтия общий тон прессы Татарстана оставался антиамериканским. По словам академика А.Х. Махмутова, опубликовавшего статью в газете «Звезда Поволжья» 22 мая 2003 г., крестоносцы XXI в. отличаются от своих предшественников XII в. только большим лицемерием и наглостью.

И все же эту исламскую солидарность можно объяснить (по крайней мере, частично) с инструментальной точки зрения: российское общество в течение долгого времени отчуждало татар, как и других российских мусульман; за пределами своей республики многие татары продолжали чувствовать себя маргинальными и стигматизированными. Небогатые возможности в России и потребность повысить свой статус привели к поиску полезных связей в исламском мире. Некоторые местные компании уже имеют такие деловые контакты, в том числе и в Ираке. Более того, существует интерес в развитии таких связей: охлаждение отношений между США и арабским миром может стать уникальной возможностью получить новые инвестиции; уже витает идея создания саудовско-российского банка, который мог бы обслуживать арабско-российский бизнес. Исламская солидарность татар может быть отчасти интерпретирована как способ улучшить свое положение в мире, который до сих пор не слишком щедро предоставлял им такие возможности. В этой

ситуации ислам в светском контексте представляется частью активов Татарстана, которые могут помочь и в дальнейшем повышать его экономический и символический капитал.

В то же время руководство Татарстана остерегается радикальных вариантов ислама, подобных саудовскому, или политизации религии по иранскому варианту и поэтому старается от них дистанцироваться. Вместо этого оно пытается поощрять развитие модернизированных форм ислама («евроислам»), которые могли бы сочетаться с западной цивилизацией. В любом случае, для руководства Татарстана важно обеспечить политический контроль над этими процессами. Таким образом, отношение руководства республики к традиционной религии схоже с его отношением к национальному движению, которое президент Шаймиев некогда так умело использовал, подчинив его как своим интересам, так и интересам республики – разумеется, в его собственном понимании.

Теоретические подходы

Теория социального доминирования

Принимая во внимание описанный выше институциональный дизайн федерации в России, чрезвычайно интересным подходом к анализу этнических взаимоотношений в российских республиках представляется теория социального доминирования Дж. Сиданиуса и Ф. Пратто (*social dominance theory, SDT*) [Sidanius, Pratto 1999]. Ее ключевой постулат состоит в том, что общества, особенно многонациональные, в большинстве случаев организованы в виде групповых иерархий. В известном смысле расширяя марксистскую концепцию классового общества, в SDT утверждается, что достаточно часто маркером принадлежности группе, стоящей на той или иной ступени общественной иерархии, является раса, этническое происхождение или религия. Таким образом, социальное положение индивида зависит не только от личных способностей, но и в значительной степени от его принадлежности к той или иной этнической группе. Иными словами, происхождение может ограничивать шансы индивида на достижение высоких социальных позиций или же, напротив, предоставлять преимущественный доступ к общественным ресурсам.

Авторы теории социального доминирования разработали ее на примере негритянского меньшинства в США, но сам подход, очевидно, является универсальным и может использоваться на самом разном материале. И ситуация, сложившаяся в 1990-х гг. в большинстве российских республик, является прекрасным примером институционально закрепленного группового доминирования. Дело в том, что вследствие своего асимметричного характера, о котором говорилось в разделе об институциональном дизайне, унаследованная от СССР российская федеративная система, защищая права титульных этнических групп на федеральном

уровне, обеспечивает сравнительно слабую защиту нетитульного населения, проживающего в национальных республиках.

Этот факт тем более важен в свете того, что, по определению В.Я. Гельмана, в России в 1990-е гг. сложился феномен так называемого «децентрализованного субнационального авторитаризма», характеризовавшегося концентрацией власти в руках региональных правительств [Гельман 2009]. Тот факт, что органы республиканской власти состояли преимущественно из представителей титульных национальностей, делал региональный авторитаризм еще и этнически окрашенным. Эта ситуация приводила к фактическому выстраиванию в республиках своеобразной «иерархии национальностей», в которой русские неизбежно находились ниже, чем представители титульных групп. Наиболее ярким примером такого положения служит диспропорционально высокий процент руководящих должностей в национальных республиках, которые заняты представителями титульного населения [Gorenburg (2) 1999; Stepanov 2000; Tishkov 1997]. Это, кстати, понимают и простые жители республик: так, в соответствии с данными опросов, приведенных в работе Л.М. Дробижевой, большинство считает, что у представителей титульной нации больше шансов на получение хорошо оплачиваемых рабочих мест [Дробижева 2003]. Следовательно, можно говорить о том, что сочетание наследия советской национальной политики и процессов, протекавших после распада СССР, привело к тому, что в некоторых республиках Российской Федерации сложились системы группового доминирования; и в таких системах титульное население занимает доминирующую позицию, а этнические русские, равно как и другие нетитульные группы, – подчиненную [Fleischmann, Verkuyten, Poppe 2011].

Мотивация поддержки национализма

Первым непосредственным выводом из теории социального доминирования может служить то, что титульное население должно в большей степени поддерживать сепаратистские движения в своих республиках, чем нетитульное. Автономия или даже независимость от федерального центра для представителей титульной национальности предоставляет им шанс закрепить – возможно, даже законодательно – свое доминирование в республике. Нетитульное население, напротив, должно опасаться республиканского сепаратизма, поскольку для них влияние федерального центра представляет своеобразную гарантию от дальнейшего ухудшения позиций их группы. В этой связи можно вспомнить идею Р. Брубейкера [Brubaker 1996] о том, что национальные меньшинства в странах, проводящих политику построения национального государства (*nationalizing states*), в большинстве случаев будут искать защиты сильного внешнего актора. Данное предположение совсем не обязательно должно выполняться для этнического национализма, который в большей степени является социально-психологическим, нежели инструментальным феноменом. Таким образом, этнический национализм среди представителей титульных

и нетитульных групп должен быть сопоставим, особенно, если речь идет о представителях одного этноса, оказавшихся в разных институциональных условиях.

Тем не менее республиканский национализм вполне может пользоваться поддержкой среди определенной части нетитульного населения. Основываясь на применении концепции рационального выбора к проблематике национализма, предложенной Д. Лэйтиным [Laitin 1998], можно предположить, что представители подчиненных групп будут более склонны поддерживать сепаратистские тенденции в национальных республиках, если это сулит им экономическую выгоду. Лэйтин нашел подтверждения своей теории среди русских, пытающихся интегрироваться в общества некоторых стран СНГ, в том числе таких недружелюбно к ним настроенных как Эстония. Экономические трудности, напротив, способствуют ухудшению отношений между этническими группами: так, Заславский пишет о подобных проявлениях даже в СССР, где «национальный вопрос» контролировался достаточно жестко [Zaslavsky 1994]. Говоря о феномене поддержки республиканского сепаратизма среди подчиненных групп, можно предположить, что респонденты с более высоким доходом будут более склонны поддерживать республиканский сепаратизм, поскольку они в большей степени интегрированы в республиканскую элиту. Схожая ситуация складывается и в образовании: более образованные респонденты обычно отличаются высоким доходом, а также занимают высокие социальные позиции, и, следовательно, они склонны поддерживать региональный сепаратизм. Как отмечал Д. Лэйтин, определенную роль здесь может играть и возраст: молодежи, принадлежащей к подчиненным этносам, обычно легче вписаться в доминирующее сообщество, особенно если между группами отсутствуют явные визуальные (расовые) различия [Laitin 1998]. Все описанные выше мотивы значимы для представителей подчиненных групп, в то время как члены доминирующей группы должны быть менее чувствительны к ним, поскольку большинство из них может рассчитывать на выгоды, связанные с получением автономии. В то же время нужно иметь в виду, что дискриминация, являющаяся следствием социального доминирования, в некоторых контекстах парадоксальным образом может в меньшей степени ощущаться в низах, поскольку там межэтническая конкуренция обычно слабее, чем в середине социальной лестницы.

О том, что касается этнического национализма, в академической литературе существует определенный консенсус относительно того, в каких социальных слоях он наиболее распространен: обычно это молодые мужчины с низким доходом и невысоким уровнем образования, проживающие в сельской местности. Для настоящего исследования существенен тот факт, что эти характеристики не должны сильно различаться между подчиненной и доминирующей группами.

Еще один фактор, который необходимо принять во внимание, это связь между национализмом и религией. Так, Д. Горенбург и Ф. Редер предполагают, что этнические сообщества, чья религия сильно отличается от православия, в наибольшей степени склонны поддерживать националистические и/или сепаратистские идеи [Gorenburg 2001; Roeder 1991]. Здесь нужно заметить, что, например, В.А. Тишков называет реальную религиозность в России незначительной и говорит о том, что религия зачастую играет роль символа для тех или иных этнических групп [Tishkov 1997].

Тем не менее Д. Трейсман [Treisman 1997] пишет о чрезвычайной важности ислама как двигателе сепаратизма в преимущественно мусульманских республиках, причем он описывает этот феномен как «примордиальный», очевидно, имея в виду историческое и культурное наследие проживающих в России мусульманских сообществ. Впрочем, для целей данной статьи не столь принципиально, идет речь о религии как вере или религии как идентичности – важно, что ассоциация индивида с религией может оказать влияние на его социальные взаимодействия. Следовательно, можно предположить, что для представителей мусульманских групп религиозность позитивно связана с поддержкой национализма. Этот постулат должен одинаково выполняться и для представителей подчиненной и доминирующей групп, и для обеих форм национализма.

Еще одной важной гипотезой исследования является предположение о том, что среди представителей доминирующей группы две формы национализма должны быть позитивно связаны между собой. Дело в том, что достижение политической автономии соотнесено для них с построением национального государства и, соответственно, с ростом престижа их этнической группы. Для представителей подчиненной группы расширение политической автономии республики означает еще большее понижение статуса их национальности, и, следовательно, положительной связи между двумя формами национализма может не наблюдаться.

Данные и метод

Данные

Для эмпирического анализа были использованы данные, собранные в 2005 и 2011 гг. в Татарстане и Башкортостане. Обе базы данных включают респондентов, проживающих в указанных республиках и принадлежащих к трем важнейшим этническим группам Волжско-Уральского региона: татарам, башкирам и русским (всего респондентов 1 196 в 2005 г. и 1 612 в 2011 г.). Исходя из заявленной цели исследования, для непосредственного анализа были выбраны исключительно респонденты, принадлежащие к татарскому этносу (этническая принадлежность определялась самими респондентами, она также контролировалась выбором респондентами своего родного языка и религии). В соответствии с задачами исследования эта выборка была разделена на две группы: татары в Татарстане (403 в 2005 г. и 415 в 2011 г.) и татары в Башкортостане (304 в 2005 г. и 385 в 2011 г.). Такое разделение позволяет сравнить между собой представителей одного и того же этноса, которые в одном случае являются доминирующей группой (Татарстан), а в другой – подчиненной (Башкортостан), а также эволюцию ситуации с националистическими установками с течением времени.

Можно даже утверждать, что наше исследование является в какой-то части экспериментом, поскольку сравнение респондентов, принадлежащих к одной этнической группе, но находящихся на разных ступенях групповой иерархии, по-

звояет во многом нейтрализовать культурные факторы и сосредоточиться на институциональных. Пример анализа положения неустойчивого татарского населения в Башкортостане дан в одной из статей Д. Горенбурга [*Gorenburg* (1) 1999]. В дальнейшем эмпирический анализ будет проводиться отдельно для каждой из двух указанных групп, а также для двух точек во времени.

Респонденты, данные по которым используются для анализа, показывают в целом средние демографические характеристики: возраст респондентов составляет от 17 до 84 лет при среднем показателе около 35 лет; половая структура показывает довольно значительное преобладание женщин (около 66% респондентов); около половины респондентов имеют высшее образование.

Переменные

Зависимыми переменными исследования являются два типа национализма: этнический и политический. Этнический национализм операционализируется авторами статьи как этноцентризм, то есть представление о принципиальной значимости этнической принадлежности в социальных взаимодействиях. Политический национализм в контексте российских республик понимается как поддержка сепаратизма, то есть движения за достижение республикой максимальной автономии, вплоть до независимости от федерального центра. Обе переменные операционализованы как латентные (*latent*) или скрытые характеристики респондентов, которые проявляются при ответах на определенные вопросы в используемой базе данных. Названия переменных в том виде, в каком они будут использованы в представлении модели и ее результатов, выделены курсивом.

Этнический национализм, мнению авторов, связан с ответами на следующие вопросы:

- важна ли для респондента собственная этническая принадлежность (*важность этничности*);
- испытывает ли респондент гордость за свою этническую группу (*этническая гордость*);
- является ли этническая общность для респондента более важной, чем гражданская (*этническая идентификация*);
- респондент не одобряет межэтнические браки в своей семье (*этнический эксклюзивизм*).

Политический национализм операционализирован через ответы на следующие вопросы:

- респондент желает возвращения республике суверенного статуса (*суверенный статус*);
- респондент готов сражаться за республику, но не за Россию в целом (*готовность сражаться*);

- респондент считает, что республика имеет право на выход из федерации (*право на отделение*);
- респондент считает, что республика имеет право на собственное политическое устройство (*право на конституцию*);
- респондент считает, что республика имеет право на принятие собственных законов, отличающихся от федеральных (*право на законы*).

Все приведенные выше переменные были перекодированы в бинамиальный формат: содержательные ответы, которые отражают соответственно этноцентричные и сепаратистские установки, были закодированы как «1», а все остальные – как «0». Вариант ответа «затрудняюсь ответить», а также отсутствие ответов были закодированы как пропущенные значения. Формулировки вопросов, точные варианты ответов на них, а также соответствующие переменные и их кодировка приведены в *таблице 1*.

Таблица 1. **Использованные вопросы из базы данных, варианты ответов на них, названия соответствующих переменных и их кодировка**

Варианты ответа на вопросы анкеты	Значения переменных
Насколько важна для респондента собственная этническая принадлежность	
	<i>Важность этничности</i>
Не имеет значения	0
Имеет значение в определенных случаях	0
Важна всегда	1
Нет данных	-
Чувство, которое респондент испытывает по поводу своей этнической группы	
	<i>Этническая гордость</i>
Гордость	1
Уверенность	0
Нет чувств	0
Разочарование	0
Стыд	0
Другое / нет данных	-
Общность, с которой респондент идентифицирует себя в первую очередь	
	<i>Этническая идентификация</i>
Только гражданская	0
Сначала гражданская	0
В равной степени	0
Сначала этническая	1

Только этническая	1
Другая / затрудняюсь ответить / нет данных	-
Отношение респондента к браку своего сына или дочери с представителем другой национальности <i>Этнический эксклюзивизм</i>	
Такой брак нежелателен	1
Неодобрительно, но не стал бы возражать	1
Нормально, если супруга подчинится обычаям	1
Национальность не имеет значения в браке	0
Затрудняюсь ответить / нет данных	-
Каким хотел бы видеть респондент будущий статус своей республики <i>Суверенный статус</i>	
Отдельное государство	1
Суверенная республика	1
Сохранение статус-кво	0
Часть большего региона	0
Затрудняюсь ответить / нет данных	-
За кого респондент готов сражаться, если потребуется <i>Готовность сражаться</i>	
За Россию	0
Россию и республику	0
Республику	1
Ни за кого	0
Затрудняюсь ответить / нет данных	-
Республика должна иметь право на выход из федерации <i>Право на отделение</i>	
Согласен	1
Не согласен	0
Трудно сказать / Нет данных	-
Республика должна иметь право на собственную политическую систему <i>Право на конституцию</i>	
Согласен	1
Не согласен	0
Трудно сказать / нет данных	-
Республика должна иметь право на собственные законы <i>Право на законы</i>	
Согласен	1
Не согласен	0
Трудно сказать / нет данных	-

В соответствии с ответами на каждый из приведенных выше вопросов были подсчитаны доли респондентов, придерживающихся националистических установок. Так, в 2005 г. доля этнических националистов среди респондентов составляет, по разным вопросам, от 77% до 42% среди татар в Татарстане и от 68% до 24% среди татар в Башкортостане. Наибольший процент респондентов в обеих республиках не одобряет межэтнические браки, в то время как остальные показатели этноцентризма приблизительно равны. Что касается уровня поддержки политического национализма, то он колеблется от 56% до 23% для татар в Татарстане и от 48% до 10% для татар в Башкортостане. Наименьший процент респондентов проявляет готовность поддерживать сепаратистский проект с оружием в руках, а самой большой поддержкой пользуется идея политической системы, отличной от федеральной.

В 2011 г. среди татар в Татарстане от 75% до 45% респондентов выбирали варианты ответов, выражавшие этноцентризм, а среди татар в Башкортостане – от 67% до 32%. Неодобрение межэтнических браков осталось самым высоким показателем в этом отношении в обеих группах. Иными словами, ситуация с уровнем этнического национализма практически не изменилась как в количественном, так и в качественном отношении. Политический национализм в 2011 г. пользовался поддержкой от 41% до 16% респондентов среди татар в Татарстане и от 56% до 11% среди татар в Башкортостане. Здесь заметно некоторое падение общего уровня политического национализма в Татарстане и, напротив, его рост в Башкортостане.

Объяснительными переменными исследования представлены религиозность респондентов, их демографические характеристики, а также определенные показатели населенных пунктов и/или районов, в которых они проживают. *Религиозность* респондента была оценена с помощью вопроса относительно того, насколько часто он или она совершает молитву. Значения переменной представляют собой равноинтервальную шкалу из трех значений, которые возрастают в соответствии с увеличением частоты молитвы: «0» для респондентов, которые не молятся никогда или почти никогда, «1» – для молящихся от случая к случаю, и «2» – для тех, кто совершает молитву регулярно. *Возраст* как количество полных лет сообщался самим респондентом в ходе опроса. *Пол* был закодирован как «0» для мужчин и «1» для женщин. Переменная *образование* принимает значение «1» для респондентов с высшим образованием и «0» для всех остальных. Переменная *доход* базируется на оценке самих респондентов финансовых возможностей своего домохозяйства. Ее значения разнятся от «0» («не всегда хватает денег даже на еду») до «5» («при необходимости можем купить квартиру или дом»).

Модель

Основой данного статистического анализа является тестирование структурной модели (*structural equation model*) для двух групп: татар в Татарстане и татар в Башкортостане. В рамках модели переменные, представляющие степень этнического и политического национализма респондентов, являются латентными (скрытыми). Они

оцениваются с помощью конфирматорного факторного анализа (*confirmatory factor analysis*) через наблюдаемые (то есть присутствующие в базе данных) переменные, связанные с соответствующим типом национализма. В данной статье была сделана попытка объяснить националистические установки респондентов, используя в качестве объяснения их религиозность, различные демографические характеристики, а также показатели населенных пунктов и/или районов, в которых они проживают. В терминологии структурных моделей зависимые переменные (в данном случае это два типа национализма) называются эндогенными (*endogenous*), а объяснительные переменные – экзогенными (*exogenous*). Полная спецификация структурной модели с указанием переменных и предполагаемых эффектов представлена на *рисунке 1*. Модели для данных за 2005 г. и 2011 г. совершенно идентичны.

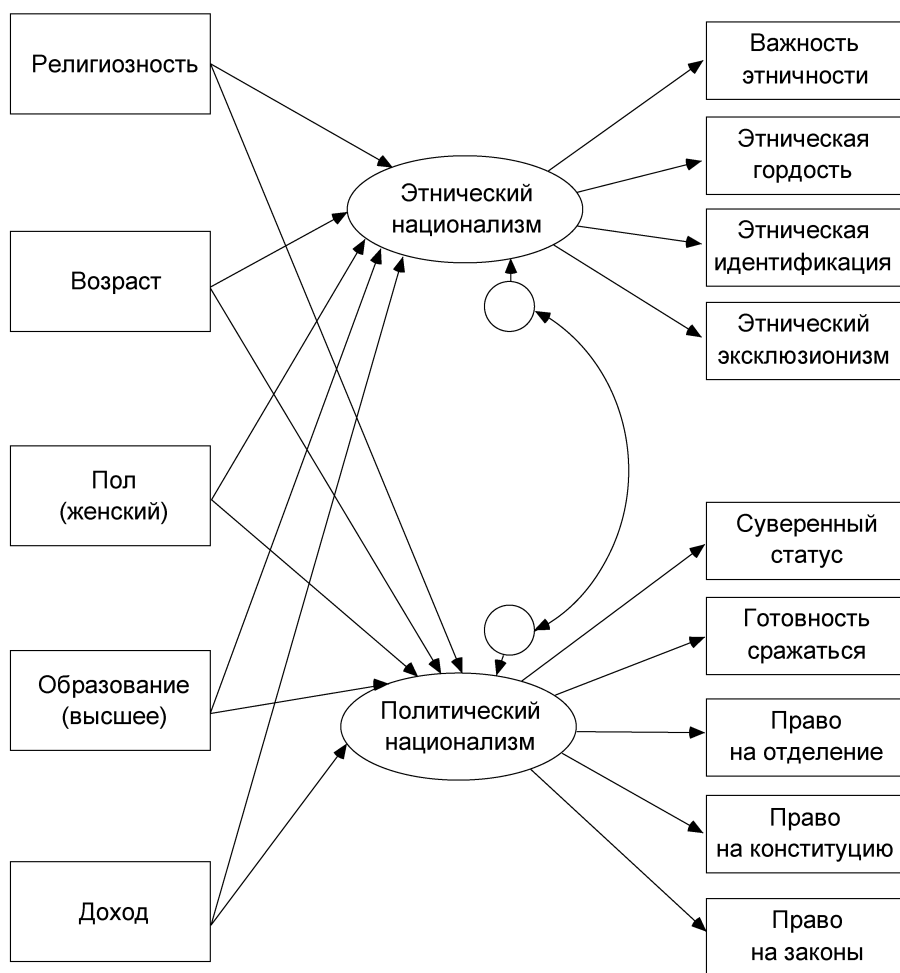

Рисунок 1. Спецификация структурной модели: переменные и предполагаемые эффекты

Результаты

Факторный анализ

Факторный анализ – базовая часть структурной модели, поскольку он выполняет две важные функции: он позволяет оценить значения латентных переменных, которые непосредственно используются в структурной модели для оценки соответствующих коэффициентов; также факторный анализ дает возможность проверить, насколько выбранные наблюдаемые переменные действительно измеряют одни и те же установки. Исходя из полученных результатов, которые представлены в *таблице 2* (см. **Факторные коэффициенты**), можно утверждать, что предложенное измерение латентных националистических установок представляется правомерным: совершенно очевидно, что факторные коэффициенты (нагрузки) являются статистически значимыми, а их величины сопоставимы между собой.

Из этого можно сделать вывод, что значимость этничности для респондента, гордость за свою этническую группу, преимущество этнической идентификации над гражданской и представление о нежелательности смешанных браков являются индикаторами этнического национализма (этноцентризма). Это утверждение верно как для татар в Татарстане, так и для татар в Башкортостане: все факторные нагрузки примерно равны, то есть приведенные выше вопросы в равной степени важны для оценки этнонационалистических установок того или иного респондента. Схожие оценки свойственны и для политического национализма (сепаратизма): желание возвращения республике суверенного статуса, готовность сражаться за нее, а также представления о праве республики на собственную политическую и юридическую систему являются значимыми индикаторами с примерно равными факторными нагрузками.

В обеих исследуемых группах была найдена статистически значимая и достаточно высокая положительная корреляция между двумя типами национализма (*таблица 2*, **Корреляционные коэффициенты**). Этот показатель для татар в Татарстане ($\rho = 0,697$) несколько выше, чем для татар в Башкортостане ($\rho = 0,515$), но такое различие вряд ли является существенным. Более интересен тот факт, что средний уровень как этнического ($\Delta = 0,342$; $t = 2,862$; $p = 0,004$), так и политического ($\Delta = 0,392$; $t = 2,883$; $p = 0,004$) национализма среди татар в Татарстане выше, чем для татар в Башкортостане.

Сравнение результатов опросов за 2005 г. и 2011 г. показывает, что существенного изменения в восприятии идеологии как этнического, так и политического национализма в Волжско-Уральском регионе за последние шесть лет не произошло. Факторные коэффициенты не претерпели существенных изменений ни в плане силы, ни в плане статистической значимости (*таблица 3*, **Факторные коэффициенты**). Важное изменение связано с относительными уровнями национализма в двух республиках: так, разница в уровнях этнического национализма немного выросла ($\Delta = 0,472$; $t = 3,796$; $p < 0,001$), подтверждая более высокий уровень

этнического национализма среди татар в Татарстане. Что касается разницы в уровнях политического национализма, то она стала незначимой ($\Delta = 0,019$; $t = 0,115$; $p = 0,908$), а это, скорее всего, свидетельствует о его росте в Башкортостане. Кроме того, и среди татар в Татарстане ($\rho = 0,400$), и среди татар в Башкортостане ($\rho = 0,377$) понизилась корреляция между двумя формами национализма (таблица 3, **Корреляционные коэффициенты**).

Таблица 2. Результаты структурной модели (стандартизованные коэффициенты): анализ факторов и причин поддержки этнического и политического национализма среди татар в Татарстане и Башкортостане в 2005 году

Переменные	Татары в Татарстане		Татары в Башкортостане	
	Этнический национализм	Политический национализм	Этнический национализм	Политический национализм
Факторные коэффициенты				
<i>Этнический национализм</i>				
Важность этничности	0.766*	-	0.690*	-
Этническая гордость	0.548*	-	0.610*	-
Этническая идентификация	0.646*	-	0.407*	-
Этнический эксклузионизм	0.766*	-	0.546*	-
<i>Политический национализм</i>				
Суверенный статус	-	0.648*	-	0.571*
Готовность сражаться	-	0.647*	-	0.479*
Право на отделение	-	0.757*	-	0.621*
Право на конституцию	-	0.740*	-	0.507*
Право на законы	-	0.650*	-	0.090*
Регрессионные коэффициенты				
Религиозность	0.196*	0.137*	0.392*	0.309*
Возраст	0.101	-0.051	0.139	-0.407*
Пол (женский)	0.080	-0.041*	-0.036	0.096*
Образование (высшее)	-0.205*	-0.121	0.008	-0.026
Доход	0.013*	-0.092*	0.112	-0.335*
Корреляционные коэффициенты				
Этнический национализм	-	0.697*	-	0.515*

* Коэффициент является значимым на уровне доверия 95%

Таблица 3. Результаты структурной модели (стандартизованные коэффициенты): анализ факторов и причин поддержки этнического и политического национализма среди татар в Татарстане и Башкортостане в 2011 году

Переменные	Татары в Татарстане		Татары в Башкортостане	
	Этнический национализм	Политический национализм	Этнический национализм	Политический национализм
Факторные коэффициенты				
<i>Этнический национализм</i>				
Важность этничности	0.839*	-	0.763*	-
Этническая гордость	0.447*	-	0.781*	-
Этническая идентификация	0.625*	-	0.695*	-
Этнический эксклюзивизм	0.472*	-	0.335*	-
<i>Политический национализм</i>				
Суверенный статус	-	0.773*	-	0.555*
Готовность сражаться	-	0.509*	-	0.542*
Право на отделение	-	0.689*	-	0.783*
Право на конституцию	-	0.812*	-	1.000*
Право на законы	-	0.870*	-	0.884*
Регрессионные коэффициенты				
Религиозность	0.069	0.060	0.346*	0.168
Возраст	0.321*	-0.122	0.019	-0.212
Пол (женский)	-0.059	0.051*	-0.175*	-0.767
Образование (высшее)	-0.006	-0.098	-0.126	-0.043
Доход	-0.084	0.029	0.108	-0.044
Корреляционные коэффициенты				
Этнический национализм	-	0.400*	-	0.377*

* Коэффициент является значимым на уровне доверия 95%.

Регрессионный анализ

Регрессионный анализ – основная часть структурной модели, которая предполагает нахождение статистических связей между экзогенными (объяснительными) и эндогенными (зависимыми) переменными. В используемой здесь структурной модели делается попытка объяснить два типа националистических установок для двух групп: татар в Татарстане и татар в Башкортостане. В соответствии с полученными результатами (*таблица 2, Регрессионные коэффициенты*) статистически значимыми предикторами этнического национализма для татар в Татарстане в 2005 г. представляются

религиозность, образование, тип поселения и доля этнических татар в населении. Таким образом, среди татар в Татарстане наибольший уровень этнического национализма наблюдается среди религиозных респондентов с начальным или средним образованием, проживающих в сельских населенных пунктах с большой долей татарского населения. В 2011 г. ситуация изменилась: значимым предиктором этнического национализма стал возраст, причем с положительным эффектом (*таблица 3, Регрессионные коэффициенты*). Возможно, это говорит о том, что этноцентризм становится менее важным для молодого поколения среди татар в Татарстане. Что касается политического национализма, то среди татар в Татарстане он не имеет значимых связей ни с религиозностью, ни с демографическими характеристиками респондентов, причем данная ситуация отмечается в опросах и в 2005 г., и в 2011 г. Этот результат, несмотря на незначимые коэффициенты, достаточно интересен, поскольку означает, что этнический национализм для татар в Татарстане соотнесен с исламом, в то время как сепаратистское движение с религиозным фактором не связано. Отсутствие влияния демографических переменных говорит о том, что среди татар в Татарстане политический национализм достаточно равномерно распределен по социальным слоям.

Для татар в Башкортостане статистически значимым предиктором этнического национализма в 2005 г. является религиозность, означая, что этноцентризм наиболее распространен среди тех татар в Башкортостане, которые регулярно молятся. Данный эффект религиозности сохраняется и в 2011 г., но к нему добавляется гендерное различие: женщины настроены менее националистически, чем мужчины. Политический национализм среди татар в Башкортостане, напротив, кроме религиозности, зависит также от возраста и уровня дохода. Получается довольно интересный портрет: молодой человек с низким уровнем дохода и высоким уровнем религиозности. В 2011 г. никаких значимых влияний на уровень политического национализма среди татар в Башкортостане не обнаружено.

Обсуждение результатов

В данном разделе мы попытаемся выделить те результаты, которые представляются наиболее существенными для анализа факторов развития политического и этнического национализма в российских республиках. Начнем с того, что сравнительно низкая готовность респондентов сражаться за республику против федерального центра (менее 25% в Татарстане и около 10% в Башкортостане) внушает определенный оптимизм. Эти цифры показывают, что потенциал перерастания сепаратистского движения в Волжско-Уральском регионе в ту или иную форму вооруженной борьбы сравнительно мал. С другой стороны, очень высокие цифры неприятия респондентами межэтнических браков (около 75% среди татар в Татарстане и до 68% среди татар в Башкортостане) показывают наличие известного уровня этнической обособленности в регионе.

Из результатов, полученных в ходе тестирования структурной модели, необходимо отметить отсутствие заметной разницы между идеологией политического

национализма среди татар в Татарстане и в Башкортостане. Этот результат стоит в одном ряду с еще одним – сравнение средних показателей политического национализма между двумя группами показало, что его уровень среди татар в Татарстане и татар в Башкортостане имеет тенденцию к выравниванию. Это ставит под вопрос популярное предположение, сделанное на основании теории социального доминирования, о том, что доминирующие (титульные) группы будут поддерживать республиканский национализм в большей степени, чем подчиненные.

Чрезвычайно существенной оказалась роль религии для националистических проектов в республиках Волжско-Уральского региона. Религиозность, как показывают результаты структурной модели, положительно связана с этническим национализмом для татар и в Татарстане, и в Башкортостане, это лишний раз подтверждает существенное место ислама в идентичности татар. Политический национализм среди татар в Татарстане не обнаружил статистически значимой связи с религиозностью, что неудивительно, поскольку исторически региональный сепаратизм в Татарстане развивался как преимущественно светское движение, имевшее мало связей с политическим исламом. Среди татар в Башкортостане ситуация иная – в 2005 г. поддержка политического национализма была положительно связана с религиозностью: по всей видимости, в данной ситуации ислам является фактором, который объединяет башкирский и татарский национализм, тем самым позволяя общее участие в проекте республиканского сепаратизма. В целом эти результаты подтверждают идеи Д. Горенбурга [Gorenburg 2003] и Д. Трейсмана [Treisman 1999] о существенной роли ислама в национальной идентичности российских этнических групп, исторически исповедующих эту религию.

Для демографических переменных немногие эффекты оказались статистически значимыми: так, среди татар в Татарстане в 2005 г. этнический национализм отрицательно связан с образованием – это вполне соответствует общепринятой идее о том, что этнический национализм обычно распространен среди менее образованных слоев населения. Найденный в 2011 г. эффект возраста также любопытен – возможно, он свидетельствует о падении уровня этнического национализма среди молодежи. Политический национализм среди татар в Татарстане не имеет статистически значимых связей с демографическими переменными в оба рассматриваемых временных промежутка. Этот результат интересен, поскольку он означает, что в этой группе поддержка сепаратистской идеологии относительно равномерно распределена в разных слоях населения, причем эта ситуация является относительно стабильной.

Крайне любопытна динамика эффектов на поддержку политического национализма среди татар в Башкортостане. В 2005 г. она была локализована в группе молодых и религиозных людей с низким доходом, в то время как в 2011 г. таких эффектов найдено не было. Это может свидетельствовать о том, что привлекательность данной идеологии расширяется, что подтверждается также общим ростом уровня политического национализма в указанной группе. Кроме того, уменьшение доли религиозной молодежи с низким доходом может свидетельствовать о падении радикального потенциала сепаратистских настроений среди татар в Башкортостане. Возможно, что смена руководства республики и общие изменения в политической жизни привели к тому, что образованные татары в Башкортостане перестали чувствовать отчуждение и стали

нацелены на успех в рамках башкирского республиканского проекта. В самом общем виде это можно интерпретировать как свидетельство успешного построения проекта политического национализма в Башкортостане. Впрочем, вполне возможно, что и соседний Татарстан служит примером в проведении подобной политики.

Литература

- Геллнер Э. (1991) Нации и национализм. М.: Прогресс (*Gellner E. (1983) Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell.*)
- Гельман В.Я. (2009) Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // Общественные науки и современность. № 3 (*Gel'man V.Ya. (2009) The Dynamics of Subnational Authoritarianism (Russia in Comparative Perspective) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. № 3.*)
- Гидденс Э. (2011) Последствия современности. М.: Праксис (*Giddens A. (1990) The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press.*)
- Дробизьева Л.М. (2003) Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / Ред. В. Гельман, Т. Хопф. М.: Летний сад (*Drobizheva L.M. (2003) The Russian, Ethnic, and Republic's Identities: Competition or Compatibility // The Center and Regional Identities in Russia / Ed. by V. Gelman, T. Hopf. Moscow: Letniy Sad.*)
- Ленин В.И. (1969) О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. Т. 25. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы (*Lenin V.I. (1969) The Right of Nations to Self-determination // Full Collection of Works. Vol. 25. 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.*)
- Сагитова Л.В. (2003) Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / Ред. В.Я. Гельман, Т. Хопф. М.: Летний сад (*Sagitova L.V. (2003) Regional Identity: the Social Drivers and the Construction of Mass Media, the Case of Tatarstan // The Center and Regional Identities in Russia / Ed. by V.Ya. Gel'man, T. Hopf. Moscow: Letniy sad.*)
- Сергеева Г.А., Смирнова Я.С. (1971) К вопросу о национальном самосознании городской молодежи // Советская этнография. № 4 (*Sergeeva G.A., Smirnova Ya.S. (1971) On the Question of Ethnic Self-Identification among the Urban Youth // Sovetskaya etnografiya. № 4.*)
- Сталин И.В. (1946) Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: Издательство политической литературы (*Stalin I.V. (1946) Marxism and the National Question. // Works. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.*)
- Сусоколов А.А. (1987) Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль (*Susokolov A.A. Inter-ethnic Marriages in the USSR. Moscow: Mysl'.*)
- Терентьева Л.Н. (1969) Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // Советская этнография. 1969. № 3 (*Terentyeva L.N. (1969) Definition of Own Ethnic Identity by the Adolescents from Ethnically Diverse Families // Sovetskaya etnografiya. № 3.*)
- Тишков В.А. (1991) Национальность – коммунист? (Этнополитический анализ КПСС) // Полис (Политические исследования). № 2 (*Tishkov V.A. (1991) Nationality – Communist? Ethno-Political Analysis of the CPSU // Polis: Politichekiye issledovaniya. № 2.*)
- Brubaker R. (1996) Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press.

- Codagnone C., Filippov V.* (2000) Equity, exit and national identity in a multinational federation: The 'multicultural constitutional patriotism' project in Russia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 26. №. 2.
- Colton T.* (1979) *Comissars, commanders, and civilian authority: The structure of Soviet military politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Davies H., Hammond P. and Nizamova L.* (2000) Media, language policy and cultural change in Tatarstan: Historic vs. pragmatic claims to nationhood // *Nations and Nationalism*. Vol. 6. №. 2.
- Drobizheva L.* (1992) Perestroika and the ethnic consciousness of Russians // *From union to commonwealth: Nationalism and separatism in the Soviet Republics* / Ed. G. Lapidus, V. Zaslavsky. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fleischmann F., Verkuyten M., Poppe E.* (2011) Ethnic and republic identification in the Russian Federation and Ukraine: A social dominance perspective // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 37. №. 1.
- Goldman P., Lapidus G.W., Zaslavsky V.* (1992) Soviet federalism – its origins, evolution, and demise. *From union to commonwealth: Nationalism and separatism in the Soviet Republics* / Ed. G. Lapidus, V. Zaslavsky. Cambridge: Cambridge University Press.
- Golosov G.* (2012) The representation of ethnic Muslims in Russia's regional legislative assemblies // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 3. №. 2.
- Gorenburg D.* (1) (1999) Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. №. 3.
- Gorenburg D.* (2) (1999) Regional separatism in Russia: Ethnic mobilization or power grab? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. №. 2.
- Gorenburg D.* (2001) Nationalism for the masses: Popular support for nationalism in Russia's ethnic republics // *Europe-Asia Studies*. Vol. 53. №. 1.
- Gorenburg D.* (2003) *Minority ethnic mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kolsto P.* (2000) *Political construction sites: Nation-building in Russia and the post-Soviet states*. Boulder, CO: Westview Press.
- Laitin D.* (1998) *Identity in formation: The Russian-speaking populations in the near abroad*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Matsuzato K.* (2001) From ethno-bonapartism to centralized caciquismo: Characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1900-2000 // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 17. №. 4.
- Ponarin E.* (2006) The potential of radical Islam in Tatarstan // CPS International Policy Fellowship Program // <http://pdc.ceu.hu/archive/00003777/01/ponarin.backg.pdf>.
- Rakowska-Harmstone T.* (1990) Nationalities and the Soviet military // *The nationalities factor in Soviet politics and society* / Ed. by L. Hajda, M. Beissinger. Boulder, CO: Westview Press.
- Roeder P.* (1991) Soviet federalism and ethnic mobilization // *World Politics*. Vol. 43. №. 2.
- Sidanius J., Pratto F.* (1999) *Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Simonsen S.* (1999) Inheriting the Soviet policy toolbox: Russia's dilemma over ascriptive nationality // *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. №. 6.
- Slezkine Y.* (1994) The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. №. 2.
- Smith G.* (1996) Russia, ethnoregionalism and the politics of federation // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 19. №. 2.
- Stepanov V.* (2000) Ethnic tensions and separatism in Russia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 26. №. 2.
- Tishkov V.* (1997) *Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union: The mind aflame*. London: Sage Publications.

-
- Tolz V.* (1998) Forging the nation: National identity and nation building in post-Communist Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 50. №. 6.
- Treisman D.* (1997) Russia's 'ethnic revival': The separatist activism of regional leaders in a post-Communist order // *World Politics*. Vol. 49. №. 2.
- Treisman D.* (1999) *After the deluge: Regional crises and political consolidation in Russia*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Wimbush E., Alexeev A.* (1983) The ethnic factor in Soviet Armed Forces: Historical experience, current practices, and implications for the future / RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/pubs/reports/2007/R2930.1.pdf>.
- Zaslavsky V.* (1992) The evolution of separatism in Soviet society under Gorbachev // *From union to commonwealth: Nationalism and separatism in the Soviet Republics* / Ed. G. Lapidus, V. Zaslavsky. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zaslavsky V.* (1994) *The neo-Stalinist state: Class, ethnicity and consensus in Soviet society*. New York: M.E. Sharp.